

И. С. Свенцицкая

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ПО «ИЛИАДЕ» И «ОДИССЕЕ»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ гомеровских поэм в качестве источника для изучения социально-экономических отношений древнейшей Греции затруднено самой спецификой этих поэм, в которых слились воедино сохранившиеся воспоминания об отдаленных эпохах, наблюдения над реальной жизнью и поэтическая фантазия. И все-таки мы вынуждены обращаться к этим поэмам как к историческому источнику, особенно для эпохи, разделяющей микенскую и архаическую Грецию. Но прежде чем брать из поэм те или иные указания, относящиеся к интересующим нас проблемам, необходимо выявить их взаимосвязь внутри поэм, логику их появления в определенных отрывках, а затем уже соотносить факты, там упомянутые, с исторической эпохой.

В настоящей статье я не стремлюсь оценить «Илиаду» и «Одиссею» как исторический источник или выделить в них различные хронологические слои; моя цель значительно более скромная: систематизировать данные о землевладении, содержащиеся в поэмах, и посмотреть, насколько эти данные в целом соответствуют некоторым принятым их толкованиям.

В конце 50-х годов в связи с изучением табличек линейного письма В в научной литературе заново была поставлена проблема характера земельных отношений, отраженных в гомеровских поэмах. В 1957 г. сразу вышли две работы, затрагивающие эту проблему¹. Автор одной из них — М. Финли — подчеркивал различие между экономическими отношениями микенской эпохи и картиной этих отношений, нарисованной у Гомера. С точки зрения М. Финли, которой он придерживается и в более поздних работах, в эпосе нет никаких указаний ни на «феодалное держание», ни на деревенский коллектив, ни на *ager publicus* (ук. соч., стр. 139); даже в обещании старейшин наделить землей героя Мелеагра (см. ниже) М. Финли отказывается видеть указание на коллективную собственность на землю, поскольку в поэме нигде не упомянуто, что наделение должно быть произведено из общественного фонда. Э. Вилль занял несколько иную позицию. Он считает возможным говорить о сходстве форм землевладения по пилосским табличкам и по гомеровским поэмам. Он считает вероятным существование в отдаленные эпохи (в примитивной Греции) коллективной собственности и периодических переделов земли, но в архаичес-

¹ M. I. Finley, *Homer and Mycenae: Property and Tenure*, «Historia», 1957, VI, Ht 2; Ed. Will, *Aux origines du régime foncier grec: Homère, Hésiode et l'arrière-plan mycénien*, REA, 1957, LIX, 1—2.

кий период, с его точки зрения, частная собственность на землю уже прочно внедрилась; она, безусловно, засвидетельствована для эпохи Гесиода (ук. соч., стр. 6). В последующих работах, разрабатывавших эти вопросы, формы земельной собственности по гомеровским поэмам не были определены окончательно. Так, Вебстер считает, что ко времени Гомера вся система общественного землевладения исчезла, и существовали только отдельные держания²; точку зрения о преобладании частной собственности поддерживает и А. Фанфани³. Т. Сеймур полагает, что в эпоху создания поэм наряду с разбросанными хуторами, находившимися у индивидуальных владельцев, сохранялась и общественная земля, куда входили пастбища и необработанные земли⁴. В работе В. Рихтера, специально посвященной сельскому хозяйству во времена Гомера⁵, сказано, что вопрос о существовании коллективной собственности на землю решить трудно; автор не исключает существования такой собственности в отношении пастбищ. Но в целом Рихтер придерживается взгляда, что земельные наделы были закреплены за отдельными семьями, которые работали на собственную ответственность. Рихтер выступает против существования, по данным поэм, периодических переделов земли: разделу (единичному) подвергалась только вновь занятая территория⁶; именно тогда выделялись царские темны и клеры; в дальнейшем эти владения находились в распоряжении семей и переделам не подлежали.

В нашей общей литературе по истории древней Греции и, в частности, во всех действующих учебниках говорится о существовании землевладения знати и сельской общины, где производились переделы земли⁷ или сохранились их следы⁸. Однако в специальных работах советских исследователей можно встретить и другое мнение: так, Ф. Лосев пишет, что в поэмах нигде не видно, чтобы выступала какая-нибудь организация, кроме родовой⁹.

Уже перечисленные точки зрения говорят о неоднозначности сведений, содержащихся в гомеровских поэмах. Я начну рассмотрение вопроса с проблемы сельской общины, поскольку в свете дальнейшей истории Греции эта проблема представляется мне весьма важной. Как известно, у нас нет данных о существовании греческой сельской общины для более поздних периодов. Что касается Аттики, то К. К. Зельин подвергает сомнению наличие там когда-либо общинных организаций земледельцев:

² A Companion to Homer, ed. by J. V. Wace and F. H. Stubbins, L., 1962, стр. 459.

³ A. Fanfani, Poemi omerici ed economica antica, Milano, 1962, стр. 24.

⁴ Th. Seymour, Life in Homeric Age, N.Y., 1963, стр. 241—246.

⁵ W. Richter, Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter, «Archaeologia Homerica», Bd II, Göttingen, 1968.

⁶ Такое размежевание Рихтер видит в сцене на щите Ахилла, изображающей многочисленных пахарей. По его мнению, эти люди — если только они не слуги одного господина — проводят межю участками (ук. соч., стр. 10). Такое объяснение кажется мне недостаточно убедительным, поскольку в описании сцен на щите Ахилла говорится о различных сельско-хозяйственных работах. Более вероятной представляется точка зрения, согласно которой это люди, работающие на одного хозяина земли (см. Seymour, ук. соч., стр. 236).

⁷ В учебнике «История древней Греции» для университетов (М., 1972) сказано, что земля была общинной собственностью и что члены общины получали свои наделы путем жеребьевки (стр. 78); в учебном пособии «История древнего мира» для педагогических институтов под ред. Ю. С. Крушкел (М., 1971) говорится о земельной общине с уравнительным землепользованием и регулярными переделами земли (стр. 32).

⁸ Во «Всемирной истории» (т. I, стр. 646) указывается, что следы передела земли видны в «Илиаде» и «Одиссее». Наиболее осторожная формулировка дана в «Очерках по истории древней Греции» К. М. Колобовой и Л. М. Глускиной (М., 1958): «...частной собственности на землю здесь еще не было, но и передела земель, характерного для сельской общины в период ее расцвета, уже не производилось» (стр. 46).

⁹ Ф. Лосев, Гомер, М., 1960, стр. 83.

он пишет, что в Аттике VI в. не существовало сельской общины (если даже она когда-то и была там)¹⁰.

В греческом языке не было термина, который соответствовал бы общинной организации земледельцев: когда греки в эллинистический период вводили обозначения для таких общин, то они применяли различные слова, не имевшие прежде технического значения. Наиболее распространенный термин для общины эллинистического времени — *κώμη* в прямом смысле означал деревню в противоположность укрепленному городу (ср., например, *Thuc. I, 5 — πόλεις ἀτειχίστοις καὶ κατὰ κώμας οἰκουμέναις*). Другие греческие термины, применявшиеся для обозначения различного рода общинных объединений на Востоке — *κοινόν*, *συγγένεια* также имели более широкое значение. Слово *κοινόν* «союз» по большей части означало в классический период политические объединения; «сингенция» относилась к кругу родственников, более узкому, чем род, но более широкому, чем малая семья (вероятно, это обозначение охватывало круг родственников как по отцовской, так и по материнской линии), например — *ἡ Περικλέους ὀλη οἰκία ἢ ἄλλη συγγένεια* (*Plato, Gorg. 472b*).

Таким образом, вопрос о существовании сельской общины, ее уничтожении (не только в реальной действительности, но и в языке) требует внимательного изучения.

Прежде чем перейти к анализу соответствующих данных из гомеровских поэм, хочу оговориться, что я буду иметь в виду общину именно сельскую (не гражданскую, не большесемейную, не род), т. е. определенную организацию земледельцев, под контролем которой (вне зависимости от формы и степени этого контроля) находилась территория с расположенными на ней наделами и угодьями. Эта организация обладает некоторым объемом прав по отношению к своим членам, которые, в свою очередь обладают правами внутри общины, не присущими чужакам и членам соседних общин.

Основанием для утверждения о существовании в XI—IX вв. до н. э. такой общины с переделами земли служит известный отрывок из «Илиады» (XII, 421—423), где Гомер сравнивает данайцев и ликийцев, разделенных стеной, с двумя людьми, которые на небольшом пространстве с мерой в руках спорят о разделяющей меже и спорятся за равную часть:

*ἀλλ' ὅστ' ἀμφ' οὐροισι δὺ' ἀνέρες δηριάσθων,
μέτρ' ἐν χερσίν ἔχοντες ἐπιξύνῃ ἐν ἀούρῃ,
ὡτ' ὀλίγω ἐνὶ χερσὶ ἐρίζητον περὶ ἴσης.*

Термин «клер» (жребий), обозначающий земельный надел, в поэмах (как и в языке последующего периода) также рассматривается как указание на внутриобщинный передел земли. Однако в приведенных строках нет прямого указания на общину; в литературе существует и иная их интерпретация: Т. Сеймур, в частности, полагает, что земля, из-за которой происходит ссора — это необработанное пространство между двумя клерами: необработанная земля, по его мнению, принадлежала всему племени (ук. соч., стр. 246). М. Финли считает, что в данном отрывке слово *ἐπιξύνος* означает «общий для них обоих» (а не вообще «общий»); он не исключает, что речь здесь может идти о земле, годной для обработки, но еще не обработанной (ук. соч., стр. 153, прим. 6). Рихтер полностью отбрасывает мысль об общем владении: сама сцена, по его мнению, отвергает подобное толкование этого слова; оно может быть понято толь-

¹⁰ К. К. З е л ь и н, Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э., М., 1964, стр. 172.

ко в значении *ὄμιρος*, т. е. имеется в виду земля с общей для обоих людей границей (ук. соч., стр. 13). Для того чтобы высказаться более или менее определенно, следует сопоставить этот отрывок с другими сведениями о землевладении, имеющимися в поэмах.

Основной хозяйственной ячейкой по данным поэм (особенно это видно в «Одиссее») выступает ойкос¹¹. Телемах жалуется, что женихи грабят ойкос Одиссея (II, 63). Алкиной предлагает Одиссею дать ему ойкос и имущество (VII, 314 — *οἶκον δὲ τ' ἐγὼ καὶ κτήματα δοίην*). Но ойкос упоминается не только применительно к знатным семьям: Гектор, воодушевляя троянцев и ликийцев, восклицает, что их ойкос и клер будут нетронуты (*καὶ οἶκος καὶ κληρος ἀκήρατος*), если ахейцы вернутся на кораблях в свою отчизну (XV, 498). Сочетание «ойкос и клер» встречается и в «Одиссее»: Евмей говорит, что если бы Одиссей был жив, он бы дал ему жену, ойкос и клер, все, что господин дает верным слугам (XIV, 64—65). Этот пример интересен тем, что здесь «клер» явно никакого отношения к общинной земле не имеет: надел выделяется басилеем своему рабу, что было формой вознаграждения за верную службу. В «Одиссее» нет и намеков на передел земли. Гомер рассказывает в «Одиссее» о Наусите, который поселил феакийцев в Схерии, окружил город стеной, построил дома, воздвиг храмы, **р а з д е л и л** (а не разделял) пахотную землю (*ἐδάσσατ' ἀροῦρας* — VI, 10). Земельные наделы переходили по наследству. И если материал поэм не дает возможности связать слово «клер» с общинными переделами земли, то оно может быть связано с разделом наследственного достояния: Одиссей рассказывает Евмею вымышленную историю о том, что он сын знатного человека и рабыни. После смерти отца законные сыновья дали ему маленький участок, разделив имущество по жребию (*παῖδες ὑπέρθυμοι καὶ ἐπὶ κληροῦς ἐβέλλοντο*). Выражения «бесклерный» (Od. XI, 490) и «многоклерный» (Od. XIV, 211), встречающиеся в «Одиссее», указывают на существование земельного неравенства, несовместимого с равным землепользованием и общинными переделами. Такой вывод согласуется и с картиной хозяйственных отношений, которую можно представить себе по гомеровским поэмам: виноградарство и садоводство требовало закрепленных наделов. Как отмечает Т. Сеймур, сады и виноградники только и могли существовать в личном наследственном владении (ук. соч., стр. 236). Итак, в «Одиссее» нет следов общинного землевладения, и если отрывок из XII песни «Илиады» принять за указания на существование такого землевладения, то следует признать, что автор «Одиссеи» уже ничего о нем не помнил.

Хотя «Илиада» дает меньше сведений, чем «Одиссея», о земельных отношениях, однако и косвенные данные, содержащиеся в ней, вряд ли подтвердят приведенную интерпретацию строк XII, 421—423. Прежде всего в поэме нет никакого термина, который можно было бы отнести к сельской общине. Гомер знает род, фратрию, филу. Нестор в «Илиаде» говорит, что человек, любящий междоусобную войну, *ἀφρήτωρ ἀθεμιστος ἀνεστιος ἐστιν*, т. е. является не имеющим ни фратрии, ни обычая, ни очага (IX, 63). Здесь выступают основные связи человека в представлении создателя поэм: это связи в роде и доме, связи, освященные обычаями. Общинные связи здесь отсутствуют.

Слово *ὄμιρος*, применявшееся в более поздний период к коллективу

¹¹ Состав греческого ойкоса по Гомеру можно представить себе только применительно к знати: это малая семья (муж, жена, дети), рабы, слуги (*φεράποντες*). Интересно отметить, что в греческих семьях, описанных Гомером, мало детей (в отличие от большой семьи Приама, у которого было 50 сыновей и 12 дочерей). Можно думать, что основой домохозяйства простых людей во времена, отраженные в поэмах, также была малая семья.

самоуправляющихся гражданских общин, у Гомера употребляется в общем значении «народ», «простой народ» в противоположность басилеям (ср. II. II 187 и 198: Одиссей на собрании воинов под Троей по-разному относится к басилеям и людям из демоса); это слово может также обозначать область, страну, племенную территорию: например, II. V, 709—710 — «где живут и другие беотийцы, имеющие весьма плодородную страну» (πίονα δῆμον ἔχοντες); II. XVI, 437 — Зевс спрашивает Геру, не перенести ли ему Сарпедона с поля боя в плодородную землю Ликии (Λυκίης ἐν πίονι δήμῳ). В обоих примерах «демос» означает землю данного племени, а не какую-то часть ее. В «Одиссее» слово δῆμος употребляется в тех же значениях, что и в «Илиаде» (в смысле «земля» — Od. I, 103). М. Финли пишет, что он не может найти в поэмах отрывка, где говорится, что демос сделал что-либо, не говоря уже о том, чтобы он владел или руководил чем-либо (ук. соч., стр. 153). Слово φῶλη в гомеровских поэмах отсутствует.

Упоминание «соседей», встречающееся, хотя и редко, в поэмах, также не может ничего сказать о связях между земледельцами. Употребляется оно в самом общем значении: например, соседи на пиру у Менелая (Od., IV, 16). В одном сравнении говорится о человеке, сохраняющем головню под золой на краю поля далеко от соседей (Od. V, 488—490: ἄγροϋ ἐπ' ἑσχατίης φῶλη πάρα γείτονας ἄλλοι). Этот отрывок, конечно, не может характеризовать наличие или отсутствие соседской организации, но все же в нем скорее видится фигура одинокого земледельца на изолированном поле.

Если мы привлечем для сравнения свидетельства Гесиода, то и это не поддержит принятую в учебной литературе интерпретацию эпизода о споре из-за межи. В «Трудах и днях» также нет общины земледельцев. Дело не в том, что согласно Гесиоду, участки могли отчуждаться: отчуждение земли возможно и в рамках сельских общин; более важным мне представляется подход Гесиода к отношениям между соседями: эти отношения носят личностный характер, они не регулируются общеправовыми нормами; на это указывает сама подробность советов Гесиода об обращении с соседом. Гесиод говорит о том, что хороший сосед лучше всяких почестей, что из-за плохого соседа может погибнуть бык (в сельских общинах в таких случаях правовые нормы обычно требовали или возмещения быка за быка, или выплаты штрафа); Гесиод даже советует, как надо отдавать долг, взятый у соседа (346—350). Может быть, ко времени Гесиода соседская община уже полностью разложилась, а сравнение, приведенное Гомером, отражает какую-то более раннюю стадию? Однако в «Трудах и днях» видны скорее пережитки родовых связей, чем общинных. В строках, предшествующих приведенным советам, Гесиод убеждает брата, что добрые отношения с соседом важнее, чем с родственником, поэтому на пиры нужно обязательно звать соседей: в случае несчастья когда еще явится родич, а сосед прибежит (342—345). Подобная психология могла быть характерна для периода разрушения родовых связей среди земледельцев и зарождения новых связей — между соседями, необходимость которых для благополучия земледельцев ощущал Гесиод. Но вряд ли в VII в. до н. э. в условиях малоземелья (тот же Гесиод советовал иметь только одного сына, чтобы сохранить отцовский дом), отчуждения земли, мобильности населения (отец Гесиода, например, прибыл из Ким, бежав оттуда из-за жестокой нужды), произвола знати, такая организация, как с е л ь с к а я община, могла оформиться и закрепиться.

Конечно, в ряде областей Балканского полуострова могли существовать сельские общины; они, безусловно, существовали у малоазийских племен, с которыми соприкасались греки. Возможно, что сцена спора

в П. XII, 412—423 навеяна негреческими общинными отношениями, которые можно было наблюдать и на границах Ионии. Однако некоторые общие соображения вызывают у меня сомнения в таком объяснении. Общинные переделы земли, проводившиеся регулярно, вряд ли могли вызывать такие ссоры, которые могли быть уподоблены сражению. Данные из других районов, где такие переделы документально засвидетельствованы, говорят о том, что они производились под контролем общинной организации и должностных лиц¹², регулировались обычнорядовыми нормами. Споры могли происходить на сходках, если какие-либо принципы жеребьевки были нарушены¹³, но трудно представить себе, чтобы каждый отмерял себе участок и ссорился из-за межи с соседом. А. Фанфани приводит пример из «Илиады» (XXI, 403—405), который, по его мнению, свидетельствует о прочности границ частных владений (ук. соч., стр. 24): в этих строках рассказывается, как Афина схватила огромный черный камень, лежавший на равнине, который положила в качестве пограничного знака (*ὄβρον*) жившие прежде люди (*ἄνδρες πρότεροι*). Сами размеры камня как будто говорят о невозможности передвижения границ. Конечно, сельская община может существовать и без переделов земли, и без равного землепользования. Но в пользу существования такой общины спор о меже ничего не говорит. Если не принять толкования В. Рихтера (*ἐπίξωνος* = *ὄβρονος*), то нам остается или видеть в этой сцене раздел «ничейной» земли, или объяснить описанную ссору как ссору сонаследников, делящих землю на равные участки; такое предположение вполне согласуется с системой отношений, описанных в поэмах; ссоры при дележе наследства должны были быть вполне естественными и достаточно частыми, поэтому они и породили в поэме сравнение, ясное ее слушателям, но вызывающее споры у современных ученых.

В «Илиаде» есть представление о существовании коллективной (общеплеменной, но не общинной) собственности на землю: передача такой земли упомянута в рассказанном Фениксом Ахиллу предании о Мелеагре (Феникс называют его *ἔργον πάλαι* — IX, 527). Старейшины (*γέροντες*) этолийцев, умоляя Мелеагра принять участие в битве с куретами, обещали ему за это дар — темен в 50 мер, наполовину засаженный виноградником (*αἰνοπέδοιο*), наполовину пустошь (П. IX, 574—580). В другом месте «Илиады» (VI, 190 сл.) передается еще одно предание — о Беллерофонте, которому ликийцы отрезали темен с насаждениями и пашней (*οἱ Λύκιοι τέμενος τάμον ἔξοχον ἄλλων, καλὸν φυταλίης καὶ ἀρούρης, ὄφρα νεμοίτο*), после того как ликийский базилей выдал за него замуж свою дочь и передал ему «половину всего царского почета» (*δῶκε δὲ οἱ τιμῆς βασιλίδος ἡμισυ πάσης*).

В этих преданиях земля выступает не как общинная, а как общеплеменная, которой распоряжаются в одном случае старейшины, в другом — все ликийцы. У кого конкретно отрезалась выделенная земля, из преданий неясно. Следует отметить, что и в том, и в другом случае дело идет о временах легендарных, удаленных от времени действия поэм (удаленных, с точки зрения самих действующих лиц). Возможно, эти предания наве-

¹² Ср., например, описание передела земли у германцев: Цезарь пишет, что должностные лица и старейшины отводят участки земли родам или группам родственников, а через год принуждают их перейти на другое место (Germ. IV, 22); Тацит указывает, что земля занемается германцами всеми вместе поочередно (другой перевод «всеми селениями вместе по числу домохозяев») и вскоре они делят ее по достоинству (Germ. XXVI).

¹³ Ср., например, § 8 «Земледельческого закона»: «Если был произведен раздел несправедливо для некоторых в жребиях и в местоположении, пусть позволено будет аннулировать произведенный раздел, т. е. весь раздел должен происходить заново.

яны отношениями микенской эпохи; возможно, они отражают действительное происхождение землевладения знати¹⁴ у ряда племен.

Упоминание наделения теменом встречается и в споре Ахилла с Энеем (XX, 184). Ахилл, издеваясь над Энеем, спрашивает его, для чего тот вышел вперед: или он хочет стать царем Трои, победив Ахилла (но у Приама есть дети, да и сам он крепок), или теперь ему троянцы отрезали прекрасный темен с насаждениями и пашней в награду за то, что он убьет Ахилла (формулировка наделения теменом повторяет слова из предания о Беллерофонте: *τεμενος τάμον ἔροχον ἄλλων καλόν φυταλιῆς καὶ ἀρούρης, ὄφρα νεμηαί*). В том контексте, в котором «отрезание» темена упомянуто, оно выступает столь же маловероятным, как и получение Энеем царской власти, и Эней в ответной речи вообще на этих издевательствах не останавливается. Для нас здесь может представлять интерес тот факт, что — вероятное или невероятное — наделение теменом со стороны народа представляется герою поэмы событием необычным, наградой за особые подвиги, которая могла Энея толкнуть на риск поединка с Ахиллом. Земельные владения, которые, вероятно, должны быть у Энея или у его отца, не были получены ими «от народа». Наследственность теменов засвидетельствована в словах Ахилла, сказанными им после убийства Ифитиона (XX, 390—391), «твоя родина (*γενετή*) у озера Гигейского, где твой темен отцовский (*πατρῷον*) находится у полного рыб Гилла...». Можно думать, что для времени и среды, в которых действуют герои поэмы («теперь» эпоса), выделение теменов басилеям не выступает как обычное дело. Земельные владения знати — это наследственные владения, вероятно, уже дробившиеся, хотя еще не отчуждавшиеся (законным путем).

Андромаха, оплакивающая несчастную участь сына, оставшегося без отца, восклицает, что его ждет труд и горе, даже если он уцелеет после войны, ибо другие сместят границы пашни — *ἄλλοι γάρ οἱ ἀκουρήσουσιν ἀρούρας* — (XXII, 489), т. е. уменьшат ее размеры. Здесь признается, что земля перейдет сыну, но поскольку он остался без отца-защитника, то часть земли у него просто могут отобрать.

Анализ данных о землевладении греческой знати и, в частности, о теменах в «Илиаде» затрудняется тем, что большинство приведенных примеров относится не к греческим племенам. Могли ли слова Сарпедона о необходимости для басилеев биться в передних рядах произнести, например, Агамемнон или Одиссей? Сохранилась ли общеплеменная собственность на землю у племен гомеровских поэм или поэт не случайно относит ее либо к временам легендарным (темен для Мелеагра), либо к негреческим народностям? Я не берусь сейчас решать этот важный вопрос; я только хочу обратить внимание на то, что проблема использования гомеровских поэм заключается не только в хронологическом расчленении тех или иных свидетельств, но и в этническом. То, что поэт говорит о ликийцах или троянцах, он говорит именно о них; и нужно еще обдумать, насколько применимы его слова к грекам. С этой точки зрения плач Андромахи кажется мне наиболее «нейтральным»

¹⁴ Слова Сарпедона, ликийского басилея, обращенные к Главку, как будто указывают на связь богатств знати с определенными обязанностями: Сарпедон говорит, что их отмечают почетным местом, они владеют теменом на берегу Ксанфа, поэтому «теперь нам следует находиться в первых рядах ликийцев», чтобы каждый из крепкобронных ликийцев говорил, что басилей не без славы правят (*χοιρανέουσι*) Ликией, хотя они едят жирное мясо и пьют сладкое вино, но и сила их велика, они сражаются между первыми ликийцами (II. XII, 310—321). Военные доблести басилеев служат здесь как бы оправданием того имущественного неравенства, которое уже явственно выступает в поэмах. По-видимому, было время, когда исполнение той или иной должности в родоплеменной организации вознаграждалось определенным образом — лучшим угощением на пиру, лучшим участком земли и т. д.

свидетельством, в нем нет ничего специфически «троянского», как, впрочем, и специфически «царского». Такие плачи поэт мог часто слышать вокруг себя в дни междоусобных войн. Судьба Астианакта, предсказываемая Андромахой (в случае благополучного исхода войны!), не вяжется с традициями большой семьи, какую представляла собой, по описанию Гомера, семья Приама. Андромаха говорит не только о сокращении пашни, но и о потере друзей. Такая судьба больше соответствует судьбе мальчика из греческой малой семьи, где гибель отца действительно могла быть катастрофой, особенно при отсутствии регулирующей общественной организации (общинной, государственной, гражданской). И разве не в похожем положении оказался Телемах в отсутствие своего отца перед лицом женихов, разорвавших ойкос Одиссея?

Темен Одиссея перешел к Телемаху, хотя, строго говоря, тот не стал правителем Итаки. В разговоре Одиссея с тенью его матери в Аиде последняя упоминает, что его власть («почесть» — *ῥερασι*) никто не имеет, а Телемах владеет теменом (XI, 181—185). Вне этого темена находится земля отца Одиссея — Лаэрта. О Лаэрте в поэме несколько раз сказано (в том числе и в том же разговоре с матерью), что он не ходит больше в город, а живет в сельской местности (*ἐν ἄρῳ*) без особого богатства. У него поле и сад, в котором сам Лаэрт работает. Лаэрт был когда-то царем; каким образом царская власть перешла к Одиссею, остается неясным для современных читателей и ученых. М. Финли специально останавливается на этом вопросе, но не дает на него определенного ответа — он только предполагает, что, задолго до того, как Лаэрт оказался заброшенным в своем саду, он не смог править — и власть перешла к сыну¹⁵. По-видимому, темен перешел к Одиссею; участок Лаэрта — это земля, вновь приобретенная благодаря ее обработке¹⁶. Для слушателей и затем читателей поэм в древности вся ситуация не требовала разъяснений: по-видимому, она была достаточно ординарной. Для нас здесь представляется важным ведение раздельного хозяйства отцом и сыном. На возможность выделения особого хозяйства указывают слова Алкиноя, предлагающего Одиссею в случае женитьбы на Навсикае дать ему ойкос и имущество. Владения знати, таким образом, могли дробиться между взрослыми детьми при жизни главы семьи и образовывать самостоятельные ойкосы. Среди греческой знати, как она описана в гомеровских поэмах, не было большесемейных общин.

Если формы владения землями не выступают в поэмах достаточно ясно, то мы можем с определенностью сказать, кто работал на землях знати: батраки (феты)¹⁷, небольшое число рабов (как в хозяйстве Лаэрта); наиболее преданным рабам могли выделять клеры, и они основывали свои домохозяйства. В последнем случае они, вероятно, становились свободными: Одиссей обещает Евмею и Филойтею (XXI, 210—216), если ему удастся истребить женихов, дать им дом и невесту, и при этом они станут сотоварищами и родственниками Телемаха (*ἐτάροι τε κασιγνήτω*). По-видимому, освобождение означало включение в систему родовых связей — основного типа связей, которые, помимо ойкосных, существовали для героев гомеровских поэм¹⁸.

¹⁵ М. Финли приводит слова Ахилла, который спрашивает в Аиде Одиссея о судьбе своего отца Пелея — по-прежнему ли он правит землей мирмидонян или дряхлого старца уже перестали чтить (XI, 495—496). По мнению М. Финли, характер власти вождя был таков, что некоторые цари обладали таким личным могуществом и авторитетом, что никакая замена не была возможна, другие же могли быть заменены (M. I. Finley, *The World of Odysseus*, N.Y., 1954, стр. 89 сл.).

¹⁶ См. Richter, ук. соч., стр. 12.

¹⁷ В «Илиаде» XVIII, 550 поденщики названы *ἐπίδοι*.

¹⁸ О рабах в хозяйствах гомеровских басилеев см. Я. А. Ленцман, Рабство в микенской и гомеровской Греции, М., 1963, стр. 260 и сл.

Положение фетов вырисовывается по поэмам следующим образом: это работники, нанимавшиеся за плату (судя по «Одиссее», XVIII, 357—362 — за пищу и одежду): они использовались главным образом в сельском хозяйстве. В «Илиаде», XXI, 442—454 рассказывается о том, что Аполлон и Посейдон служили Лаомедонту (Ἄητοβασίλειον): Посейдон строил стены вокруг города, а Аполлон пас быков. Кончилась эта работа печально для богов-фетов: Лаомедонт не отдал им платы, да еще грозился продать в рабство на далекий остров. Полная незащищенность фетов, неустойчивость их материального положения, вероятно, и побудили поэта (Od. XI, 489—491) в качестве самой худшей участи на земле назвать участь фета у безклерного человека (т. е. такого человека, который сам не имеет определенных средств к существованию). М. Финли замечает, что хотя феты — свободные люди, а Евмей — раб, но последний имел более прочное положение благодаря своей принадлежности к знатному ойкосу, которая имела большее значение и большую ценность, чем статус юридического свободного, никому не принадлежащего человека¹⁹.

Кроме теменов басилеев, в поэмах упомянуты темены богов: темень Зевса на Иде, где находился его алтарь (Il. VIII, 48); темень и алтарь речного бога Сперхея (Il. XXIII, 148); темень и алтарь Афродиты на Кипре (Od. 363). Интересно упоминание темена Деметры — среди владений ахейцев, которыми предводительствовал Протесилай (Il. II, 695—696 — οἱ δ' εἶχον Φυλάκην καὶ Πύρασον ἀνδρείμονετα, Δῆμιτρος τέμενος...).

Мы практически ничего не можем сказать об этих священных областях по гомеровским поэмам. Темень Зевса на Иде, где находился его жертвенник, был, вероятно, сравнительно небольшим в отличие от области, посвященной Деметре. Последняя, судя по контексту, в котором она упомянута, входила в территорию племенного объединения, выславшего под Трой сорок кораблей. Можно предположить, что часть населения этого племенного объединения жила в священной области, но никаких более конкретных сведений поэмы не дают. Темены божеств, как и темены вождей, когда-то были выделены из общеплеменных владений, но ко времени создания поэм (или ко времени, отраженном в поэмах)²⁰, они уже существовали как нечто сложившееся.

В целом, суммируя отдельные сведения о характере землевладения, мы можем сказать, что в «Илиаде» и «Одиссее» основная масса земель выступает как поделенная на индивидуальные наделы — клеры, полученные по наследству. Крупные владения знати также переходили по наследству (уже не были связаны с определенной должностью), причем поскольку участки могли выделяться взрослым детям при жизни отца, разделение владений знатных семей в конечном счете вероятно, было неравным. В то же время в поэмах видно смутное воспоминание о коллективных (общеплеменных) формах собственности (в данном вопросе я не могу разделить точку зрения М. Финли), однако они не увязываются со всеми остальными данными, прямо или косвенно касающимися аграрных отношений. Как бы ни относиться к вопросу о коллективной собственности, мы должны признать, что территориальной сельской общины в картине земельных отношений, как они вырисовываются по Гомеру, нет ни в зародыше, ни в упадке. Ф. Энгельс, характеризуя общество по гомеровским поэмам, писал, что «в греческом строе героической эпохи»

¹⁹ M. I. Finley, *The Ancient Economy*, L., 1973, стр. 66.

²⁰ Вопросу об эпохе, отраженной в поэмах, посвящено выступление М. Финли в качестве президента Классической ассоциации (*The World of Odysseus Revisited*, «Proceedings of the Classical Association», LXXI, 1974). М. Финли в целом продолжает отстаивать свои взгляды, изложенные в книге «Мир Одиссея»; он полагает, что мир героев эпоса — это «темные века» (т. е. XI—X вв. до н. э.).

отцовское право с наследованием имущества детьми делало семью силой, противостоящей роду. Семья и род — таковы основные общественные ячейки, которые в данном случае Энгельс выделяет²¹.

Основными связями между людьми, которые видны в поэмах, были связи внутрисемейные и родовые. По мнению М. Финли, Итака Одиссея была по преимуществу объединением домохозяйств и родов (household and kinship bound), причем главным организующим принципом была связь внутри ойкоса; община (М. Финли имеет в виду гражданскую общину) играла незначительную роль. Однако и в поэмах видно также, что эти связи были недостаточны для устойчивости общественной структуры, они не охватывали всех возможных и необходимых отношений, в которые действующие лица поэм вступают друг с другом. Так, важную роль играли отношения гостеприимства, носившие ярко выраженный личностный характер. Иногда они выступают как более важные, чем связи внутри-племенные: во время встречи на поле боя Главка и Диомеда последний узнал, что Главк ему приходится *ξείνος πατρώιος* и он предлагает отказаться от битвы между ними и продлить союз гостеприимства (II. VI, 215—226). Такими же личными связями определялись отношения между знатными людьми и их *ἑταῖροι* («друзьями») и *θεράποντες*²². Можно думать, что родовые связи играли значительную роль в передаче обычаев, определении места человека в обществе («знатный» — «незнатный»), в области культа, но реальной действенной силой родовая организация, по данным поэм, уже не являлась. Характерно в этом отношении положение Телемаха: он горько жалуется на поведение женихов, а в ответ на эти жалобы Афина ему говорит, что вот, мол, если бы отец приехал, он тут же одолел бы их (I, 253: *χεῖρας ἐφείη*), т. е. необходимо было прибегнуть к силе. Телемах попытался привлечь на свою сторону демос Итаки, созвав народное собрание, но из этого ничего не вышло: народ безмолвствовал, и народное собрание было распущено знатым юношей Леокритом. М. Финли замечает, что у Телемаха нет сородичей, к которым он мог бы обратиться за помощью, а гражданская община не была надлежащим образом организована и не обладала средствами, чтобы наложить санкции²³.

Ойкосы, нарисованные в гомеровских поэмах, не нуждались в хозяйственном объединении, поскольку земледелие не требовало усилий больших трудовых коллективов, начало тех или иных сельскохозяйственных работ (в особенности для виноградников и садов) не могло быть столь строгим, чтобы требовать принудительной координации действий земледельцев. Но в то же время необходима была организация, которая бы охраняла права отдельных земледельцев и землевладельцев, препятствовала бы «передвижению межей», грабежу со стороны более сильных²⁴, причем такая организация нужна была не только простому народу, но и знати. И. М. Дьяконов полагает, что обеспечение общиной прав своих членов на участие в управлении общиной, на взаимопомощь и на владения землей было, может быть, самым важным аспектом древней общины²⁵. Именно поэтому богатые и знатные землевладельцы были членами общин

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 108.

²² Об этих отношениях см. Finley, *The World of Odysseus*, стр. 109 сл.

²³ M. I. Finley, *Early Greece, The Bronze and Archaic Ages*, L., 1970, стр. 85.

²⁴ Намек на грабежи со стороны знатных людей содержится в словах Приама, когда он жалуется, что у него остались только негодные сыновья, ворующие скот демоса (*ἀρῶν ἢ δ' ἐρίφων ἐπίδημοι ἀρπακτῆρες* — XXIV, 262).

²⁵ И. М. Дьяконов, *Община на древнем Востоке* в работах советских исследователей, ВДИ, 1963, № 1, стр. 20.

и в древних государствах Ближнего Востока и в ряде областей юга Европы, например во Фракии²⁶. При ослаблении родовых связей должны были появиться связи территориальные, охватившие население той или иной области (по большей части — для Греции — изолированной), для защиты его экономических и политических (внешняя безопасность) интересов. В истории Греции такой организацией становится полис²⁷.

Слово «полис» часто встречается в гомеровских поэмах, но не в значении организации граждан, а просто «город» или «крепость» (последнее значение, например в II. XX, 52)²⁸. Земля, сельская местность не включаются в понятие полиса: Одиссей говорит Навсикае, что он не знает никого из людей οἱ τῆνδε πόλιν καὶ γαίαν ἔχουσιν (Od. VI, 117); о Лаэрте сказано, что он живет в поле (ἐν ἀγρῷ) и не ходит в полис. Однако наряду с этим значением в поэмах встречается противопоставление полиса и народа (демоса): так, Приам упрекает Париса в том, что тот увез Елену на горе отцу, всему полису и народу (III, 50); в «Одиссее» область киммерийцев названа «мужей киммерийских полис и демос» (XV, 140). Возможно, в таком же «социальном» значении «полис» употреблено и в словах Главка, обращенных к Гектору: «как ты защитишь πόλιν καὶ ἄστυ» (II. 17, 144). Город был местожительством знати, басилеев, в то время как простой народ жил в сельской местности (недаром в Одиссее как на признак старости и слабости Лаэрта указывается на то, что он уже не ходит в город). Отсюда полис стал восприниматься как синоним «знати», а затем и как организация знати. Органы родовой власти, сосредоточенные в городе-полисе и находившиеся в руках у знати при незначительной роли народных собраний, неизбежно должны были стать основными органами управления для всего населения, жившего вокруг того или иного города. Мне кажется, можно сказать, что в гомеровских поэмах мы застаем греческие родо-племенные организации в период их разрушения²⁹ и начало формирования гражданской общины в форме аристократического полиса (которому сам автор, во всяком случае в Одиссее, стремится противопоставить царскую власть, принадлежащую уже прошлому...). И может быть усиление знати и органов ее власти при отсутствии организаций, которые могли бы регулировать отношения между аристократами и демосом, при отсутствии централизованного государственного аппарата и было одной из причин ожесточенности социальной борьбы в архаической Греции. Я не берусь без всяких оговорок проводить прямую параллель между полисом и сельской общиной древних обществ Передней Азии, но думаю, что ряд функций полиса совпадал с функциями сельской общины, охранявшей владельческие права своих граждан и использовавшей общественные фонды для помощи им.

²⁶ См. А. Ф о л, Демографска и социална структура на древна Тракия, София, 1970, стр. 275—277; автор указывает, что существование класса аристократии невозможно без общины.

²⁷ И. М. Дьяконов считает, что древняя община не обязательно вырастает из первобытной; она может также складываться заново; такой сложившейся заново общиной был, с его точки зрения, и античный полис (ук. соч., стр. 21 и прим. 22).

²⁸ Фукидид отмечает, что афиняне называли акрополь полисом (Thuc., II, 15, 6). В. Рихтер указывает, что у Гомера «полис» не имеет социологического значения. О том же пишет М. Финли в упомянутом докладе (прим. 19).

²⁹ Разумеется, в реальной действительности этот процесс у разных греческих племен происходил по-разному. С. Я. Лурье указывал, в частности, что в гомеровскую эпоху и даже позже наблюдается разница между восточным побережьем Греции и северо-западной ее частью. В общинах этих областей гораздо резче и отчетливее проступал патриархальный род (С. Я. Л у р ь е, История Греции, Л., 1940, стр. 69). Правда, следует отметить, что некоторые авторы вообще не считают возможным говорить о какой-либо «гомеровской эпохе» (см. например, А. М. S n o d g r a s s e, A Historical Homeric Society? JHS, XLIV, 1974).

Разумеется, вопрос об использовании данных «Илиады» и «Одиссеи» для проблемы генезиса полиса должен стать предметом специального исследования³⁰, но мне кажется, что к этой проблеме имеет прямое отношение и та картина земельных отношений и общественных связей, которая вырисовывается в поэмах.

THE INTERPRETATION OF DATA ON LANDHOLDING
IN THE *ILIAD* AND *ODYSSEY*

I. S. Svetsitskaya

There is no uniform modern opinion on the types of landed property reflected in the Homeric poems. Some historians speak of the survival of collective landholding (mainly in waste and pasture land), others deny the existence of any collective property whatever and assert the predominance of private holdings, among both nobles and commons. In the Soviet literature on the subject, especially in textbooks and teaching manuals, the prevailing opinion is that from the Homeric epos may be inferred the existence of the village community with equal sharing in land-use and periodic redistributions. The author undertakes a systematic review of the relevant data in the epos in order to see how this information, taken as a whole, fits in with any of the interpretations now current, in particular with the village-community theory. Analysis of the evidence, direct and indirect, leads her to conclude that in the Homeric poems the territorial village community finds no reflection, either in embryo or in decay. On the contrary, as far as may be judged from the nature of the evidence, the epos seems to reflect communities where all the land was divided into individual holdings (*kleroi*, *temene*) which were transmitted by inheritance to male descendants of the holders. The absence at the beginning of the archaic period of village communities uniting those who worked the land was perhaps one reason for the sharp social struggle [attested for various parts of the Greek world in the 8th to 6th centuries B.C.

³⁰ Когда настоящая статья была уже сдава в печать, вышло исследование Ю. В. Андреева, посвященное проблеме полиса у Гомера: Ю. В. А н д р е е в, Раннегреческий полис, «Античный мир и археология», вып. 2, Саратов, 1974, стр. 3—23.